

Люблю выращивать цветы я из листа, из череночка.
Смотреть, как наперегонки на свет выбрасывают почки.
Вот к солнцу тянутся листы и улыбаются друг другу.
И даже кактус по весне желает подыскать подругу.
Они безмолвны, как стихи, написанные на бумаге,
Но прочитай их — запоют безудержную песнь отваги.
И будут нежностью твоей и тайной умиротворенья.
...Вчера опять колючий мир испытывал моё терпенье.

СКАЗКА ДЛЯ СОФИИ

Вечер. Витрины местного «Арбата» областного городка NN освещаются скупой сигнальной подсветкой. Улица привычно начинает заполняться всегдашней публикой. Вот проходят Он и Она. Эти двое никуда не спешат. Им хорошо вместе. Лишь изредка перебрасываются малозначащими для непосвященного уха фразами. Общение идет по волнам внутренней, душевной связи. Часто встречаются одна с другой их улыбки. Она доверчиво опирается на Его надежную руку. Почему они здесь? Ничего пока не зная наверняка, мы можем лишь предположить, что эта улица навевает им добрые, приятные воспоминания. Может, родились и жили здесь. Или встретились. Кто знает, а может, когда были чуть моложе, тоже приходили сюда по вечерам «людей посмотреть и себя показать». Вроде тех зеленых юнцов, которые сейчас стайками с вызывающим и шокирующим благовоспитанных и почтенных граждан, спешащих с работы к ящику и тапочкам, видом, высоко подняв головы, в боевой раскраске, с умопомрачительными панк-начесами и наглыми глазами, свободной походкой суперменов проходят мимо уже отмеченной нашим вниманием пары. Эти «бои» с яростью юности поглядывают на клево прикинутых «старичков», тусующихся на одном из «пяточков» вблизи местного очага культуры, вечернего центра окрестного андеграунда.

У одного из «старичков», Толика, вполне немажорский прикид и волосы по плечи, прихваченные плетеным нитяным хайратником. Он немного смахивает на классического чуть прыщавого вечного студента. На лице выражение снисходительной насмешки. На пяточке раздается хохот. Видно, наш знакомец что-то отпустил по адресу прошедшей юной стайки. Спешу сообщить милому читателю, что это и есть один из героев нашей новеллы. Но, встретив его, мы сразу же с ним на время расстанемся, ибо сейчас все эти пиплы отправятся на сейшн, посвященный битлам, а точнее дню рождения Джона, куда мы с вами не пойдём, несмотря на все ваше читательское любопытство. Сейчас предстоит знакомство с милой героиней будущих «невероятных» событий.

Неяркий колышущийся огонек небольшой, уже оплывшей свечки в окне первого этажа. Этот огонек согревает души редких в этом тихом проулке прохожих. Всего через несколько переулков тот самый «вечерний Арбат», откуда мы только что перенеслись. Там сейчас, как говорится в народе, жизнь бьет ключом по голове, горят пуссеновские и раблезианские страсти. А здесь жизнь тиха, как в натюрморте. В робкую вечернюю тишину гармонично вписывается тихий гитарный перезвон, который не нарушает, а лишь усугубляет ее, создавая космически просторный образ покоя и гармонии струн человеческой души и природы. Нет, это не песнь любви местного менестреля за неимением такового в наши дни. Этот берущий за душу струнный перебор доносится из того окошка со свечой на первом этаже. Заглянем же скорее внутрь, ибо нетерпеливый читатель, наверное, уже с досадой поминает столь впечатлительного и часто отвлекающегося автора. Что же нас ждет тут?

На диване с ногами сидит хрупкая девчущка лет пятнадцати. Пушистые рыжие завитки обрамляют веснушчатое курносое лицо, которому само солнце велело быть жизнерадостным. Но сейчас на нем задумчивая грусть. Подслушаем украдкой мысли нашей опечаленной героини по имени Соня.

«Бабушка вот сидит и вяжет свои кружева, и ей дела нет до того, что у меня на душе. Только изредка она как-то хитро, по добромудро исподтишка поглядывает на меня. Вообще-то мы с моим бабульком милым хорошо живем. Она мне самый верный друг. Родители, хоть и звонят часто, и пишут, и приезжают два раза в год, всё же так далеко... Но это уже последний год их контракта,

и скоро мы опять будем жить вместе. Побыстрее бы время текло, что ли... А то вот опять с бабушкой вдвоем вечера коротаю.

И чего они смеются надо мной? Вот сейчас, наверное, опять пошли гулять в центр... а ко мне никто не заходит... Ну и пусть! Пусть! А я посижу с моими книгами, с гитарой, с кактусятами. Почему, ну почему они так не любят кактусы? Говорят, как можно любить иголки? И смеются! А ведь кактусы очень, ну очень красиво цветут, словно маленькие нежные огоньки загораются... Правда, редко... А может, они просто не видели никогда, как цветут кактусы?..»

Да, она очень любит книги, гитару, конечно же, бабушку и «колючки», за что над ней очень смеются в классе. Но эти злые насмешки, словно яростные морские волны о белый поблескивающий утес, разбиваются о ее добрый нрав и еще детское обаяние. Когда глаза насмешников встречаются с ее большими, жадными до чудес и счастья, с живым веселым огоньком, карими очами, те в каком-то смущении отводят еще мгновение назад злорадствующий взгляд и отходят. Но нет у нее в классе друзей. Она не принимает своей чистой юной душой пышным цветом расцветающие в этом десятом карьеристские, расчетливые желания: вызубрить «от сих до сих», чтобы получить «отлично». Сказать тайком учителю о помогавшем тебе же на контрольной товарище, что это он у тебя списал. Доложить: «А вот Сеньков с Захаровым в туалете курят». Посплетничать, даже позлословить с плохо скрываемой завистью о сдружившихся с четвертого класса Оленьке Лапиной и Саше Мазунове. Лишь эти двое близки Соне, но им как-то нет до нее дела в последнее время. Как говорят, третий лишний. Вот она и оказалась этим третьим, этим лишним... Им и вдвоем неплохо, а она... Грустно. Впрочем, нет, с нею всегда ее д'Артаньяныч, Витёк! Троешник. Чудак. Тоже фантазер, с виду робкий и тихий. На три года моложе. Ее сосед по подъезду. С ним интересно поболтать. Он добрый и никогда ничего плохого не говорил о кактусах. Они всегда из школы и в школу идут вместе, он несет Сонин портфель. По утрам он постоянно верно поджидает ее у подъезда. Но он еще «малыш», а Соня совсем взрослая, большая. И ребята в классе посмеиваются. В общем, не он — герой нашего «романа».

Вернемся к Соне, сидящей вдвоем с Грустью с ногами на диване. Несмотря на ее такой унылый вид, есть у нее сегодня и крохотная радость — расцвел ее любимый кактус, который она называет Тошкой-Картошкой. Он цветет раз в два года, и очень-очень

очаровательно. В обычное время он походит на ежа, расправившего свои колючки для обороны от злого врага. Его нежный розовый цветок — такой хрупкий, очень будто бы неподходящий для этого неуклюжего ошетилившегося ежа. Именно за это кажущееся несоответствие так любила Соня Тошку. Она ведь знала, что у каждого колючего кактуса есть добрая и нежная душа — его неземной, пленительной красоты цветок. Только надо суметь это разгадать, распознать, понять, и не умом, а добрым сердцем.

Бабушка у Сони была волшебницей, не смейтесь — не шучу. Соня, хоть и была уже почти взрослая, любила слушать бабушкины сказки, такие волшебные и очаровательные. Особенно любила девушке сказка о золотоволосой Царевне далекой Страны цветов. Никто никогда не видел этой страны наяву, но многим она не раз являлась во сне. Кому она хоть раз приснилась, тех никогда не покидало стремление увидеть ее хоть раз воочию. Был у Царевны свой сад, где росли ее любимые цветы со всего мира. Но уже пять лет в сердце своем золотоволосая Царевна носила горе. Ее любимый кактус не цвел. Она приглашала самых известных докторов наук, цветоводов и цветознахарей, но никто не мог ничем ей помочь.

Дело в том, что пять лет назад царевна повелела освободить свой сад от простых, полевых цветов — экзотическим растениям не хватало места. До тех пор «простушки» росли рядом с заморскими, и многие из них успели сдружиться между собой. Ромашка и любимый кактус Царевны так полюбили друг друга, что в разлуке с милой Ромашкой Кактус от горя и одиночества не мог цвести. Никто и не догадывался о дружбе цветов, только Царевна иногда задумчиво смотрела, как печально цветет за оградой цветника странная Ромашка, головка которой всегда обращена в одну сторону — к любимому. Другие же ромашки всегда улыбались солнышку.

«Утро. Солнце слепит глаза, светит так весело, а я должен отсиживать здесь скучнейшие пары. Неприятная процедура. А лекторша вроде ничего. Такая молоденькая, и накрасилась неплохо. Лопочет, правда, какую-то ерунду заумную. На улице прошла та девчонка. За ней, как всегда, мальчишка с двумя портфелями. Как она аккуратно ходит в школу. Наверное, комсомолка, отличница, активистка. Впрочем, это не совсем вяжется с ее таким

милым обликом. Вот и Шурик в окно уставился. Не того полета птичка, не попадетсЯ в его сети. А какая у нее коса! В жизни не видал ничего роскошнее... Да что я, втрескался? Уже вторую неделю думаю о какой-то девчонке... Она похожа на полевую ромашку — проста и прекрасна. А хорошо бы было увидеть ее не только из окна, а где-нибудь... Если б узнали наши, вот посмеялись бы...

Интересная надпись: «Стоят столы дубовые. Сидят дубы здоровые. Сидят все без понятия и ждут конца занятия». А... вот и конец пары. Уф! Оттрубил. На свободу! До шести часов проболтаться где-нибудь, а там — на тусовку. Пойду к Шурику-Санчо, у него клевые новые записи. Посидим до вечера.

Хорошо у Санчо. Маг да водка в придачу. Клевый мужик. Хотя скучновато с ним иногда. Говорит он всё о политике, герлах да о сексе. Жутко озабочен этим. И что интересно — дома у него почти все есть (родители — за бугром свои люди, так что он почти мажор), а в голове у него — шиш. Почему ему так не повезло с умом? А вообще-то, не суди да не судим будешь, как говорит дед.

...На тусовке дымят человек семь. Вон Jane. Ее издалека узнаешь по длинной рыжей «химии» и красной куртке. Колючая, жесткая, умная. Бросила учебу, надоело притворяться, что мечтает, бежит аж падает, быть учителем. Работает лишь бы где, только чтоб бабки иметь на прокорм. Чем-то наши все похожи — никто не может жить «как все». У каждого в жизни свой облом. Вместе легче. Зачем живем? Жить быстро — наше кредо. «Все радости жизни — для нас», «старость — медленное гниение». Хочется чувствовать, что ты не обычный злыдень. И что не один. Долой мажоров и их тупую жизнь! Долой крутое официальное искусство! Да будут «митьки», битлы, Саш-Баш, Стругацкие во веки веков!»

Поздно и темно. Тусклый желтый свет фонарей едва разгоняет темноту в узком переулке. Соня едва не бежит домой. Сердце так и прыгает в груди. Никак не получалось уйти пораньше с дня рождения Оли Лапиной. А теперь вот одна возвращается домой.

Две быстрые тени из-за угла. Два «шкафа» с запахом перегара тоном без возражений требуют деньги. Мысль: «Не убежать».

Деньги, что были, отданы, но молодой девушке от двух здоровых парней, похоже, не уйти просто так.

Да, ей сегодня везет. Еще утром черная кошка не стала перебегать ей дорогу, вроде как уважительно пропустила вперед себя, будто что-то такое знала. Вот и сейчас слышались шаги. «Кричать!» Так и есть, бежит кто-то. «Шкафы» смылись трусливо, быстро, с деньгами.

— Благодарю, вы мне очень помогли.

«Вот так встреча. Это она, та школьница. Хорош же я в роли избавителя».

— Давайте я вас провожу. А то вы вся дрожите. Мало ли кто опять попадетса по дороге.

Она только кивает, все еще трясась от пережитого, и улыбается ему как другу.

— Можно, я зайду к вам завтра? Какая квартира? — осмеливается Он.

— Третья, вон мое окно с цветами, видите? Приходите, бабушка обрадуется, когда увидит моего спасителя!

«Какая сказочно добрая атмосфера у этой девчушки дома! Чудобабушка и прелесть-внучка не знают, как усадить меня получше. Даже уходить не хочется, чтобы не расставаться со сказкой».

Толик как бы оттаял после долгих морозов. Англо-блатной сленг испарился сам собой. Улетучился и тон «ну эт ваще твай проблемы», исчезла колючесть «кактусового поколения». Он не мог оторвать взгляда от чудесной девушки. Пропеты все песни с гитарой. Конечно же, рассказано о кактусах, о Тошке-Картошке. Он восхитился ее любимцем...

Когда Соня и Толик вспоминают эти первые встречи, у них теплет на душе. И они благодарны провидению за них. Их любовь — счастливая. Их дочь Любушка — прелестный смысленый ангелочек-проказник с волосами цвета спелой пшеницы и задорной улыбкой.

А бабушкина сказка закончилась так. Однажды семечко Ромашки перелетело через ограду и упало рядом с Кактусом. Это Ветер сжалился над разлученными влюбленными. Небо натурально сентиментально расплакалось. Ромашка выросла и необыкновенно зацвела, так что даже затмила своей красотой заморские цветы. Любовь Ромашки помогла Кактусу вновь зацвести.

Его цветы были чудом небесной, чистейшей красоты. Опять радость и счастье возвратились в душу понявшей свою ошибку золотоволосой Царевны, и воздух Страны цветов стал сладким и розовым, и зазвенели тысячами трелей голоса прелестнейших птиц. Исчезли темные краски с цветов. Умчались прочь уныние и печали и начали расти в саду чудеснейшие, прелестнейшие цветы, причем полевые перемешались с диковинными заморскими.

Гармония и радость, веселие и счастье воцарились в Стране цветов — и в душах наших милых героев, волею случая нашедших друг друга на улицах городка NN, с которыми мы вынуждены — жаль, но ничего не поделаешь, пора — теперь расстаться.